

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ.

КНИГИ П. П. ПЕРЦОВА:

„Венеція и венеціанская живопись“. Очерки. Изданіе 2-ое „Образовательныхъ экскурсій“. Съ 12 иллюстраціями. М. 1912 г. Цѣна 75 коп.

„Панруссизмъ или панславизмъ?“. Къ опредѣленію ново-славизма. Статьи 1908—1912 гг. М. 1913 г. Цѣна 50 коп.

Ипполитъ ТЭНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛІИ

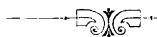
ПЕРЕВОДЪ

П. П. ПЕРЦОВА.

Томъ II.

ФЛОРЕНЦІЯ И ВЕНЕЦІЯ.

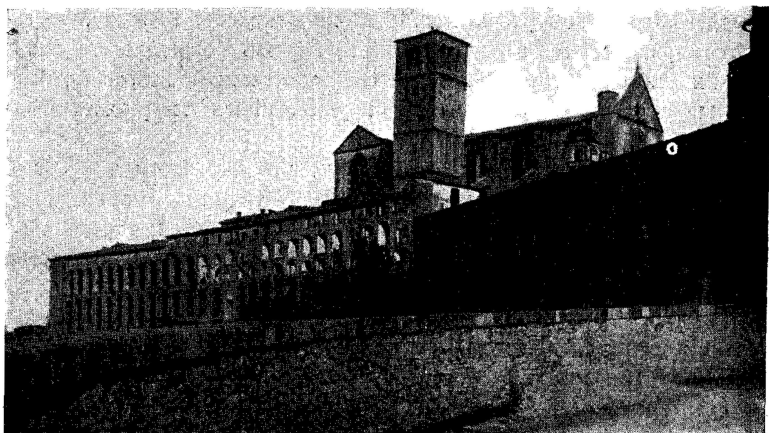
МОСКВА.
Книгоиздательство „НАУКА“.
1916.

Въ этомъ томѣ 13 фототипій и 18 цинкографій.

Ипполитъ Тэнъ. „ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ИТАЛИИ“. Переводъ П. П. Перцова. Томъ I. Неаполь и Римъ. Съ 10-ю фототипіями и 20-ю цинкографіями. М. Книгоиздательство „Наука“. 1913. Ц. 2 р. 25 к.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковский пер., соб. д.

ПЕРУДЖІА и АССИЗИ.

Ассизи. Монастырь св. Франциска.

*2 апрѣля 1864 г.
Отъ Рима до Перуджіи.*

Отѣздъ изъ Рима въ пять часовъ вечера; я еще не видалъ этой части римской Кампаньи, и я никогда больше не увижу ея ради удовольствія.

Постоянно одно и то же впечатлѣніе: это покинутое кладбище. Продолговатые однообразные бугры тянутся одинъ за другимъ нескончаемой вереницей, подобные тѣмъ, которые можно видѣть на поляхъ сраженій, когда засыпаны большія траншеи, куда свалили мертвецовъ. Ни одного дерева, ни ручья, ни хижины. Въ теченіе двухъ часовъ я замѣтилъ только одну круглую лачугу съ остроконечной кровлей, какія встрѣчаются у дикарей. Даже руины отсутствуют: съ этой стороны нѣтъ акведуковъ. Изрѣдка попадаетъ повозка, запряженная быками; черезъ каждую четверть мили чахлый каменный дубъ топорщитъ на краю дороги свою сумрачную листву; это единственное живое существо—угрюмый отсталой, позабытый въ пустынь. Одинъ только признакъ чело-вѣка—изгородь, окаймляющая путь и пересѣкающая вдоль и поперекъ волнистую зелень; въ ней содержится скоть во время пастбища. Но сейчасъ все пусто, и небо округляетъ свой божественный куполь со скорбнымъ и насмѣшливымъ спокойствіемъ надъ этимъ погребальнымъ полемъ. Солнце садится и блѣднѣющая лазурь становится такой прозрачной, что едва примѣтный оттѣнокъ изумруда окрашиваетъ зеленымъ цвѣтомъ ея хрусталь. Ничто не можетъ

передать этот контраст между вѣчною красою неба и неисчислимымъ разореніемъ земли. Вергилій, первый посреди всего великолѣпія Рима, изобразилъ уже сострадательный взоръ боговъ, которые подъ кровлей Юпитера съ удивленіемъ созерцаютъ бѣдствія и борьбу людей ¹⁾).

Я не могу отдѣлаться отъ мысли, что это могила Рима и всѣхъ народовъ, имъ уничтоженныхъ. Италійцы, карфагеняне, галлы, испанцы, греки, азіаты, народы варваровъ и города ученыхъ, вся пестрота древности—всѣ они пришли похоронить себя въ чудовищномъ городѣ, который пожралъ ихъ всѣхъ и самъ погибъ отъ нихъ. Каждый зеленый холмъ здѣсь какъ бы могильная насыпь цѣлаго народа.

Свѣтъ погасъ и въ темнотѣ безлунной ночи жалкія станціи съ ихъ коптящимъ фонаремъ появляются внезапно, точно жилище кладбищенскаго сторожа. Грузныя каменные стѣны, грязныя аркады, черныя бездны, въ которыхъ смутно различаешь очертанія тощихъ лошадей, странныя закоптѣлыя и бурныя фигуры, которыя возятся съ упряжью среди позвякивающего желѣза, горящіе глаза, воспаленные лихорадкой,—весь этотъ фантастическій и кривляющійся безпорядокъ, въ темнотѣ и холодной сырости, покрывающей собою все, какъ саванъ, оставляетъ въ сердцѣ и нервахъ длительное впечатлѣніе ужаса. И этотъ кошмаръ завершаетъ унылый ящикъ, въ старомъ лохматомъ плащѣ, неизмѣнно подпрыгивающій впереди въ желтоватомъ свѣтѣ. Весь блескъ фонаря падаетъ цѣликомъ на его спину призрачнымъ сіяніемъ. Каждую минуту онъ изгибается, чтобы хлестнуть своихъ клячъ, и тогда видны неподвижная улыбка и машинальныя сокращенія его тощихъ челюстей.

При пробужденіи, въ первой бѣлизнѣ зари, является рѣка, извивающаяся подъ своей утренней дымкой; потомъ—лабиринтъ балокъ и ихъ обрывистыхъ береговъ, изборожденныхъ безчисленными изломами, съ бѣловатыми дорожками обсыпавшагося щебня по выбоинамъ и склонамъ: вдали — высокія горы, полосатыя или черныя. Граница пройдена; это начинаются Апеннины. Веселое солнце сіяетъ на острыхъ гребняхъ вершинъ; грудь вдыхаетъ здоровый воздухъ; мы выѣхали изъ зараженной мѣстности; вотъ наконецъ край скудный, но пригодный для жизни, суровый край, съ чертами величавыми и отчетливыми, который можетъ наполнить умъ своихъ сыновъ благородными и ясными образами, не отягощая ихъ тѣла избыткомъ тяжелой пищи. Пески, безплодныя

¹⁾ „Dī Iovis in tectis iram mirantur inanem
Amborum et tantos mortalibus esse labores“.

скалы, тамъ и сямъ полоса густыхъ и благоуханныхъ пастбищъ, мѣстами каменистыя поля, повсюду оливковыя деревья,—можно подумать, что находишься въ нашемъ Провансѣ. Но видъ этихъ блѣдныхъ оливъ лишь увеличиваетъ общую суровость пейзажа. Большая часть ихъ расколота пополамъ; стволъ разсѣлся, дерево раздѣлилось на куски, и его отдѣльные члены держатся вмѣстѣ, только благодаря сшивкѣ. Скажешь, что это проклятые Данта— всѣ казенные мечомъ, всѣ разрубленные надвое, сверху внизъ, съ головы до ногъ, отъ ногъ до головы. Искривленные корни цѣпляются за щебень, будто ноги погибающихъ; и тѣло, мучимое раной, изгибается и опрокидывается въ агоніи. Но, разсѣченные и поникшія, онѣ все же упорствуютъ въ своемъ желаніи жить, и ни наклонъ почвы, ни камень, ни зимнія воды не сломили еще ихъ живучести и усилій.

Около Нарни видъ мѣняется; дорога идетъ на полугорѣ и вся гора напротивъ одѣта каменными дубами; они разсѣяны повсюду, вплоть до лощинъ и недоступныхъ вершинъ, только нѣкоторые отвѣсно падающія стѣны скалъ защищены отъ ихъ нашествія. Круглая гора воздымается такъ— отъ ручья у подошвы и до самаго неба, точно великолѣпный лѣтній букетъ, уцѣлѣвшій среди зимы. По выѣздѣ изъ Нарни, пейзажъ становится еще красивѣе: это плодоносная равнина. Зеленѣющіе посѣвы, вязы обвѣнчанные съ виноградной лозой, большой смѣющійся садъ—все это окруженное высокими холмами болѣе строгой окраски; вверху— кольцо голубыхъ, покрытыхъ снѣжной бахромою горъ.

«Soave austero» (суровая нѣжность)—это слово вспоминается часто при видѣ пейзажей Италіи. Горы сообщаютъ имъ благородство, но эти горы не чрезмерно высоки: онѣ не подавляютъ воображенія; онѣ стоятъ амфитеатромъ и образуютъ фонъ картины; онѣ не болѣе, какъ природная рама. Ниже ихъ, различныя насажденія, многочисленныя деревья, покрытыя плодами, и поля расположенныя ярусами создаютъ богатую, широко раскинувшуюся декорацию, которая скоро вытѣсняетъ изъ памяти наши монотонныя пашни и еще болѣе однообразныя пастбища и всѣ эти сѣверные пейзажи, которые начинаютъ казаться какимъ-то мануфактурнымъ производствомъ хлѣба и говядины.

Мимо пробѣгаетъ нѣсколько маленькихъ одноколокъ; въ одной сидятъ молодой человѣкъ и молодая дѣвушка; дѣвушка наряжена въ яркіе цвѣта, ея голова не покрыта; у нея такой видъ, точно она ѣдетъ со своимъ возлюбленнымъ. Здѣсь встрѣчаешь тысячи чертъ чувственнаго и красиваго счастья. Молодыя дѣвушки взбиваютъ свои волосы по самой новѣйшей модѣ, съ завитками на лбу; у нихъ шелковыя косынки, разныя украшенія, позолоченный гребен-

шокъ. Въ Римѣ изъ грязнѣйшихъ лачугъ выглядываютъ гордые и улыбающіяся лица. Только-что, проѣзжая черезъ маленькій городокъ, я видѣлъ у какого-то подслѣповатаго окна, въ печальной захолустной улицѣ, черный бархатный корсажъ, наполовину свѣсившійся изъ окошка, и большіе черные глаза, метавшіе молніи. Онѣ окутываютъ себѣ голову шалью—и уже готовы позировать передъ художникомъ. Мы встрѣчаемся съ повозкой, которая везетъ восемь сбившихся въ кучу крестьянъ; всѣ они поютъ отрывокъ какой-то аріи, благородной и суровой, какъ церковный хоралъ. Самый малѣйшій предметъ, форма головы, одежда, фізіономіи пяти или шести юношей, которые въ деревенской харчевнѣ любезничаютъ съ молодой дѣвушкой, — все это открываетъ вамъ новый міръ и особую расу. На мое впечатлѣніе, характерная черта, которая ихъ отличаетъ, это—что для нихъ идеальная красота и чувственное счастье одно и то же.

Дорога поднимается вверхъ и карета медленно движется по косогору при помощи припряжекъ. Ручей вьется и ниспадаетъ, мелководный и заглохшій на широкомъ ложѣ изъ камней, которые онъ нанесъ сюда за зиму. Бѣлый костякъ горъ выступаетъ наружу сквозь рыжій покровъ безлиственныхъ лѣсовъ. Я не видѣлъ горъ болѣе обработанныхъ вулканическимъ подъемомъ: мѣстами перевернутые пласты стоятъ прямо, какъ стѣна. Весь этотъ минеральный остовъ былъ нѣкогда перемолотъ и кажется разваливающимся—такъ много разсѣлинъ и трещинъ въ каждомъ слое почвы. На вершинѣ снѣжныя пятна испещряютъ коверъ опавшихъ листьевъ. Дуетъ сѣверный вѣтеръ, холодный и унылый; странный контрастъ, если взглянуть на торжественное небо, гдѣ солнце сіяетъ во всемъ своемъ блескѣ, или на очаровательную лазурь, въ которой тонуть краски горизонта. Мы переѣхали Апеннины, и на противоположномъ склонѣ начинаютъ чередоваться невысокіе холмы и богатые, красиво обрамленныя долины. Тамъ и сямъ, какъ куча камней, городъ на горѣ, похожій на круглый моль, украшаетъ пейзажъ, какъ это можно видѣть на картинахъ Пуссэна и Клода Лоррэна. Именно Апеннины, съ цѣпью ихъ контрфорсовъ, протянувшихся по всему узкому полуострову, сообщаютъ итальянскому пейзажу его характеръ. Здѣсь нѣтъ ни большихъ рѣкъ, ни широкихъ равнинъ: ограниченныя со всѣхъ сторонъ долины, благородныя формы, много камня и много солнца, матеріальная пища и духовныя впечатлѣнія отвѣчающія другъ другу,—сколько характерныхъ особенностей челоуѣка и исторіи созданы этими особенностями природы!